

Валерия Горбачева

Идущая
следом

Валерия Горбачева

Идущая следом

«Издательские решения»

Горбачева В.

Идущая следом / В. Горбачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748720-1

Партнерство и одиночество, зависимость и свобода, долг и любовь... Эти проблемы люди решают на протяжении веков. Решают все, даже те, кто как будто бы и не задумывается над ними. Вот и Ирина Александровна, собираясь в командировку, не подозревала, чем обернется для нее, казалось бы, обычная поездка на обычный семинар...

ISBN 978-5-44-748720-1

© Горбачева В.
© Издательские решения

Идущая следом

Валерия Горбачева

А я все велосипеды изобретаю...

© Валерия Горбачева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поле лежит передо мной совершенно... первозданное. Оно простирается вдаль насколько хватает глаз, оно завораживает, манит, меняясь прямо на глазах, то зеленея сочной непримятой травой, то сверкая нетронутой белизной снежного покрывала, создавая удивительное ощущение нетронутости, неизведанности и простора. Я иду по этой целине, оставляя четкий след. Цепочка моих следов сворачивает то вправо, то влево, но не петляет, а скорее складывается в простой, но удивительно гармоничный узор. Как простые символы древнего искусства: прямая линия – земля, волнистая – вода, круг – солнце. А все вместе – история мироздания. Я изредка оглядываюсь назад, чтобы взглянуть на оставляемый мною след и, удовлетворенно улыбнувшись, продолжаю свой путь. Не сказать, что узор идеален, в нем есть небольшие ошибки и лишние завитки, но он легок и чист. Мой путь.

На этом поле я не одна. То справа, то слева, то чуть впереди, то далеко позади я вижу фигурки других людей. Они тоже идут, прокладывая свой путь по волшебному полю. Иногда мы улыбаемся друг другу и долго идем рядом. Иногда, скользнув невнимательным взглядом, тут же забываем о попутчиках, чьи следы случайно приблизились к нашим. И пути наши расходятся. Попутчики.... Их присутствие несколько не умаляет величественности и бескрайности поля. Никто никому не мешает. Поля хватает на всех...

Я с интересом разглядываю следы, оставленные другими. Все так делают – по оставленному следу можно составить первое впечатление об идущих рядом. Оно же почти всегда самое верное. Узоры у всех разные, неповторимые. У одних это почти прямые линии, без завитков и волн: ровная линия, словно лыжня на прямой трассе. У других узор сложный, запутанный, с долгим кружением на одном месте, с зигзагами и резкими поворотами: словно вихрь, пронсясь по осенней листве, смешал и разбросал листья в неведомом никому порядке. Иногда вдруг чей-то след, постепенно приближаясь вплотную к другому, резко сворачивает в его сторону, пытаясь пересечь дорогу идущему. Перейти дорогу.... Это невозможно, потому что тот, которому преграждают путь, тоже резко сворачивает в сторону, изменяя и нарушая гармонию своего рисунка, создавая совсем новый, ломаный, иногда нервный узор, но продолжая свой путь, прокладывая дорогу, которую никто никогда ему не сможет перейти, потому что впереди дороги нет. Она создается идущим.

Я снова оглядываюсь на свою дорогу. И на доли мгновения столбенею. Кто-то перешел мою дорогу позади меня. Мой строгий узор нарушен чужими следами, затоптавшими гармонию моих следов. Что за странный поступок? Зачем топтать мое прошлое? Какой в этом смысл? Мне хочется остановиться, чтобы разглядеть фигурку, что маячит позади, хоть и понимаю, что это совершенно бессмысленно – на этом поле нельзя разглядеть лица, да и останавливаться нельзя, но я все равно замедляю шаг, оглядываясь поминутно, посекундно... и, спотыкаясь, совершаю первую серьезную ошибку.

– Что я там не видела, на этом семинаре? Чему они меня могут научить? Я и так все знаю....

Нет, я, конечно, хочу поехать, а сейчас я просто кривляюсь. Потому что знаю, что, сколько бы я не отговаривалась, поеду все равно. Так положено. Но! Если буду сильно радо-

ваться, то мне станут завидовать: хорошо ей, на неделю едет, тусовка с умными людьми, разговоры, полный пансион в отличной гостинице, экскурсионная программа.... В общем, завидовать и злиться, что они остаются работать и готовить себе ужины, обеды и завтраки, то есть, конечно, ровно наоборот, в обратном порядке, а она, мол.... А так скажут: ей, конечно, хорошо, но она не хочет, а значит, и полного удовольствия не получит. И людям станет легче, потому что, перефразируя Задорнова, нет большего удовольствия для нашего человека, чем узнать, что другому плохо. А вот если не будут завидовать, то удовольствие я там наверняка получу: верная примета. Вот и кривляюсь.

– Да я понимаю, Ирина Александровна, что Вам ехать не очень хочется, вы только что из командировки.... – это мой начальник. Сочувствующий.

– Вот-вот, – подхватываю я, – из дома скоро выгонят....

– Но Вы же понимаете, что семинар по Вашей теме, кроме того, он плановый, заявка с Нового года висит....

– Да понимаю я, – вздыхаю как можно обреченнее, – поеду, конечно, тем более что все равно нужно. Там же замов собирают?

Тут главное – не переборщить, а то вдруг «зажалеют» настолько, что пошлют кого-нибудь из моих подчиненных, вот смеху-то будет.

– Да, заместителей руководителей.

– Ну что ж делать, – уже почти весело соглашаюсь я, как бы смирившись и приняв неизбежное.

Весело, потому что начальнику приятно, что я не канючу и не злюсь. Вот все и довольны: начальник – что поездка по плану состоится и заместитель – то есть я – поедет с хорошим настроением, я – что поеду на отличную тусовку и в отличную гостиницу с полным пансионом, сотрудники – что, во-первых, одним начальником меньше, хоть начальник я и любимый, а во-вторых, что... дальше, как я уже говорила: нечего получать удовольствие в рабочее время.

В общем, как поется в старой революционной песне «были сборы недолги... от чего-то там до Волги». Не помню уж точно. Да, забываются песенки, а молодежь, небось, и вообще не слыхала. Молодежь – это те, кому лет меньше, чем мне. А мне... впрочем, значения это не имеет, женщине столько лет, на сколько она выглядит, или нет, на сколько она себя чувствует. Так вот иногда мне далеко за семьдесят – это особенно когда утром не хочется вставать и переться на работу. Бывает, бывает..., хотя работу я свою люблю и знаю. Но рассказывать про нее не буду, это довольно специфично и не всем интересно. Так вот, иногда я все это просто ненавижу, и тогда мне, как я уже говорила, за семьдесят, потому что вдруг начинает ныть спина, в носу свербит, голова тяжелая, а веки... хоть спички вставляй. В общем, старуха старухой. Развалина. А иногда мне чуть больше двадцати, ну, ладно, ладно, двадцати пяти. Это когда ни с того, ни с сего вдруг и солнышко ярче светит, и травка зеленеет, и ласточка, которая с весной.... Когда мне предстоит тусовка – мне тридцать-тридцать пять. Не больше. Но и не меньше, потому что глупая восемнадцатилетняя девчонка никому на нашей тусовке неинтересна. Нет, опять же, я имею в виду общение – профессиональное, творческое, человеческое. А для другого там есть девочки – организаторы и мальчики – отнести-принести. Это другая категория.

Ладно, отвлеклась. Когда там у меня выезд? Ага, через пару дней. А билеты?

– А билеты? – задаю я сразу волнующий меня вопрос вслух.

– Сейчас Зою пошлем, – с готовностью откликается начальник.

Зоя – наша секретарша. Нет, теперь они так не называются, они теперь называются то ли специалист кадровой службы, то ли секретарь-референт. Я не знаю, но Зоя – отличный секретарь. В меру независимая, в меру болтливая и потрясающе исполнительная. Ничего не забывает. Ни-че-го. Билетами я обеспечена, можно даже не проверять. Теперь позвонить мужу, обрадовать, так сказать, что он снова на хозяйстве целую неделю. Ничего, потерпит, в крайнем

случае, сходит к маме поесть. А дети? – спросите вы. А дети выросли, учатся в другом городе. Вычислили – сколько мне лет? Только учтите, что я рано вышла замуж.

– Коля, я еду на семинар, – говорю я в трубку как можно серьезнее, – в воскресенье выезжаю. На неделю.

– Ты же только приехала, – понятное дело возмущается он.

– Да, но что делать? – вздыхаю я, – это же плановый семинар, помнишь, я тебе говорила?

С начала года запланировано определенное количество обучающих семинаров...

– Помню, – соглашается он, – ну, надо так надо.

Не сильно расстроился. Привык уже, что я постоянно езжу. Впрочем, он тоже часто в командировках. Только не в таких длительных, как я – на неделю, а дня на два, максимум на три. Работа у него такая – инспектор по каким-то там сетям. Я в этом техническом деле ничегошеньки не смыслю, да и теперь уже и не пытаюсь. Провода так провода. Украли так украли. Ах, не провода украли, а что-то там другое? Трафик? А, понятно... это, конечно, совсем другое дело... Раньше я пыталась понять, вникнуть, плохо понимала, а муж, нервничая, пытался объяснить подходчивей..., а потом решила, что в семье вовсе необязательно проводить производственные совещания, есть о чем и так поговорить. О детях, о ремонте, о даче, о политике, в конце концов. В общем, наступила гармония. Рассказал о своем украденном трафике – я покивала головой, сказал, что ничего нового на работе нет – тоже покивала. Мир и покой в доме. Кстати, о даче.

– Коль, а на выходные на дачу все равно поедем?

– Конечно, только вернемся пораньше. У тебя поезд вечером?

– Вечером.

– Ну а мы к обеду приедем. Успеешь собраться?

– Успею.

– Вот и чудненько. Все, пока!

– Пока.

Конечно, успею собраться. Потому что, во-первых, соберусь я заранее, то бишь прямо сегодня, а во-вторых, много вещей я никогда не беру. Сколько дней там семинар? Пять? Отлично, значит пять блузок, водолазок, кофточек или чего-то там на семинар, плюс две дорожные. Плюс одна в запас. Джинсы, брюки и юбка. Ну и там, белишко, ночнушка, косметика, туфли, кроссовки, что-то теплое на случай похолодания, зубная щетка, шампунь. Фен можно не брать, в гостиницах теперь есть. Шампуни там тоже есть, но я привыкла к своему. Ну, пара запасных колготок. Бумага, карандаш. Немного всего. Но сумка как всегда получится не для слабых женских рук. Ну и ладно, поможет кто-нибудь. Не впервой.

– Ирина Александровна, Вас к телефону, Дмитрий Николаевич Большаков. Будете говорить? – Зоя заглядывает в кабинет, поскольку дверь у меня открыта. Мы с ней так условились: если дверь открыта, значит, можно зайти и просто спросить все что нужно, а если дверь закрыла, значит, лучше не входить и без крайней нужды не беспокоить – я работаю умственно, думаю то есть, меня лучше не трогать, а если что срочное – по селектору. Зоя селектор не любит, она предпочитает встать и заглянуть в кабинет. Объясняет просто – двигаться, дескать, надо, а то геморрой будет. Да, такие вот шуточки у нас в ходу.

Большаков? Конечно, буду, а как же! С превеликим удовольствием! – этого я не говорю, это я про себя думаю. Зое я просто киваю:

– Да, спасибо, соедините.

Через секунду слышу знакомый бас в трубке:

– Привет, голубоглазая моя.

– Привет, – смеюсь я в ответ, – ты что, опять меня компрометируешь?

– Я бы рад, да ты же не соглашаешься...

– Конечно, я своей репутацией дорожу.

- Значит вопрос только в репутации?
- И в репутации тоже, между прочим, а ты как разговариваешь?
- Я в кабинете один, а твои параллельную трубу уже положили.
- Откуда ты знаешь?
- Опыт.

Мы хохочем.

– Ну, скажи мне, радость моя, ты едешь на семинар?

– Ой, Дмитрий Николаевич, не начинай...

– Ты едешь?

– Еду, еду. Но ты должен знать...

– Все, ничего больше слушать не желаю. Все скажешь там, на семинаре, что я должен знать, что не должен.

Я смеюсь. Разговор привычный, повторяющийся уже раз восьмой, наверное.

– Ладно, ладно, – весело соглашаюсь я, – но помни: «Поручик, я не обещала Вам...».

– Посмотрим.

Вот ведь какой несговорчивый, ну, да и ладно. Это была крайне смешная и романтическая история. Впрочем, почему была? Она, как видите, продолжается. А начиналась так.

Приезжаю я как-то по делам службы в славный город-герой... неважно, я не географию с историей преподаю, а жизненную историю рассказываю. Так вот, приезжаю к нашим коллегам, а там новый зам. Относительно новый, конечно, он у них уже год, но для меня-то новый. Обалденный мужчина. Высокий, чуть полноватый, но не рыхлый, седой, с замашками щедрого барина и лукавыми прищуренными глазами. Лукавыми, когда смотрит на женщин. В общем, мой тип. Я, конечно, улыбаюсь, смотрю тоже с легким прищуром и все по методике стрельбы глазами: опустила глазки, потом – раз! – быстрый и точный взгляд, как выстрел, и чуть распахнуть глаза, как от отдачи. И снова глазки вниз с легкой умной, чуть виновато-понимающей и себя как будто за несдержанность корящей улыбкой. В общем, картинка маслом. А потом вопрос задать – деловым, серьезным тоном, лишь в уголках глаз искорки, как от глубоко спрятанного многообещающего смеха. Методика отработанная, сбоев почти не бывает. Первоначальный интерес вызывается просто «на раз». Вот и Дмитрий Николаевич Большаков тут же начал учить меня каким-то прописным истинам с рьяностью и снисходительностью неотразимого и, стоит признать, умного мужчины. Я слушала внимательно, сосредоточенно, а потом вдруг задала какой-то вопрос с использованием сложных профессиональных терминов и точнехонько по теме. Он замолк на секунду, потом улыбнулся:

– О, не только красивая, но и умная, что ли?

Я развела руками, дескать, бывает.

Потом у нас пошел дельный профессиональный разговор, мужчина он действительно умный, незаурядный и к тому же профессионал высочайшего класса. У такого поучиться – за счастье, да и просто посоветоваться, если что. В общем, наладили мы деловые отношения, ну а потом пошли обедать. Там разговоры о том, о сем, за жизнь и прочая, в общем, когда он целоваться ко мне полез в лифте, я рассмеялась. Все получилось, но дальше мне не надо. Мне дальше неинтересно. К тому же, репутация, как вы помните. Но Дмитрий Николаевич не отстал. Мы встречались с ним уже несколько раз, регулярно перезваниваемся, и каждый раз он меня спрашивает: когда, дескать, ты перестанешь меня мучить и согласишься?

Я отвечаю: никогда, и не надейся даже.

Он: ты все врешь, я знаю, что ты будешь моей.

Я: не буду.

Он: почему? Ты же этого тоже хочешь!

Я: не хочу.

Он: ты врешь, я тебе нравлюсь.

Я: вот это точно, нравишься, но для постели этого маловато.

Он: вот видишь, ты меня любишь! Сама сказала.

Я: отстань, про любовь разговора не было...

И так до бесконечности. Пока я не скажу скороговоркой: меня вызывает начальство или прости, другой телефон. Он тогда скажет: да, беги, целую. Я посмеюсь: я тебя тоже. Хотя мы так ни разу и не поцеловались. Вот умора. Но разговоры такие приятные, ни к чему особенно не обязывающие, а чувствовать себя привлекательной и желанной всегда нелишне. Ах, да, еще забыла сказать, что на семинарах мы уже встречались, в одной гостинице жили, и вечерами он, конечно, в дверь тихонечко стучал, после того, как протанцевал или проговорив за чашкой чая до двух-трех часов ночи, я сваливала втихаря из компании и возвращалась в свой номер. Уследить за мной он не мог, я чемпионка по побегам из сложных ситуаций. А потом, слушая постукивание в свою дверь, я, делая вид, что сплю и ничего не слышу, с наслаждением лежала, вытянувшись на кровати. Предел мечтаний: ты гордая и независимая, а под балконом, ну ладно, пусть под дверью – страдающий мужчина. Красота. На следующий день, конечно, разборки, упреки в нечеловечности и жестокости, а ты смотришь ласково и пожимаешь плечами, дескать, не знаю, уходила – тебя не видела, а потом, как говорится, только до подушки и вырубилась напрочь, как умерла. И вообще, ничего не обещала.

Я тихонько смеюсь, вспоминая и предвкушая. Флирт – это вообще очень весело. Это такая замечательная игра. И весь интерес – в самом процессе игры. Результат неинтересен никому – ни победителю, ни побежденному. Игра – вот что завораживает, волнует, будоражит наше воображение, дает возможность испытать сильные, изматывающие эмоции. Сам процесс игры – неизвестность, отчаяние, надежда.... А результат – это конец. Это опустошение. Секундное торжество победителя, минутное разочарование проигравшего, а дальше пустота. И жгучее желание играть. Снова играть. Снова надеяться, отчаиваться, страдать, искать, жить придуманной, яркой, ненастоящей жизнью. Играть.

Думаете, я всегда это знала? Нет, дорогие мои, не всегда я была такой, это меня жизнь научила. Жизнь, она идет своим ходом, своим чередом. Жизнь, она, видишь ли, бывает разной. Она бывает яркой, а бывает тусклой. Иногда вдруг преподнесет что-то новенькое, неожиданное, даже завораживающее.... Но это чаще по молодости, а так просто течет, изо дня в день. Утром встал, позавтракал, пошел на работу. На работе все бывает, события, люди, стрессы. Но это работа. Если ты не одинок и не сумасшедший, то работа не является смыслом твоей жизни. Она является средством реализации жизни. Поэтому жить работой..., нет, можно, конечно, но как-то убого, однобоко. После работы по магазинам и домой, к плите. Когда дома дети, это совсем другое дело, мы живем их жизнью, и кажется, что это наша. А на самом деле это не наше, это их. Вот они уехали и... что делать? Получится, что жизнь потеряла смысл. А это, знаете ли, совсем, совсем плохо. Поэтому нужно еще какое-то занятие. По-простому – хобби. У каждого свое. У меня это флирт. Тем более что внешние данные, скажем без лишней скромности, позволяют. И еще я рисую.

Мягким переливом напоминает о себе мой мобильный. Я, все еще улыбаясь и не глядя на дисплей, привычно сдвигаю панель для ответа:

– Аллю.

В трубке тишина. Я еще раз произношу удивленно:

– Аллю! Я слушаю....

Молчание. Ничего не понимаю. Подростковый возраст, когда ухажеры дышат в трубку, уже миновал довольно давно. Теперь у меня кавалеры солидные, серьезные. Страдают открыто, чувств и фамилий не скрывают. Я снова смеюсь и, наконец, взглядываю на экран телефона. Ну конечно, это не звонок, это напоминание. Вот чудо-юдо. Я открываю календарь... и настроение падает моментально. День рождения Семена. Что-то внутри сжимается, и я, откинувшись на спинку кресла, смотрю в потолок. День рождения Семена – это из прошлой жизни, так,

кажется, называют такую ситуацию в романах? Нет-нет, Семен – не бывший муж и не первая любовь. Это муж моей подруги. Бывшей. Мне не хочется думать о Марине, не хочется ничего вспоминать и ничего помнить. Но Семен здесь не при чем. Он отличный друг. И день рождения – его праздник. Я должна позвонить. Да, должна. Я решительно хватаю телефон:

– Семен, привет, – без тени кокетства или игривости произношу я, услышав его «слушаю», – это Ирина.

– О, Ирина! Привет-привет, пропащая душа, – радостно отвечает муж моей бывшей подруги, – совсем нас позабыла.

Он все прекрасно понимает, он помнит, что мы с Мариной давно не общаемся, и знает, что ее с днем рождения я не поздравляю. Но мы с ним делаем вид, что ничего не произошло. Так легче.

– Поздравляю тебя с днем рождения..., – я говорю привычные слова, стандартные пожелания, которые, несмотря на всю свою банальность, ему приятны. Он смеется, благодарит, что-то неважное говорит в ответ. Теперь несколько слов просто так, для поддержания разговора:

– Как ваши там дела? Как дети?

– Нормально все, – Семен снова смеется, у него хорошее настроение. – А как у вас дела?

– Да тоже все в порядке. Вот на семинар опять еду..., – я коротко рассказываю о предстоящей поездке.

– Здорово! – восхищается Семен, – везет же некоторым – почти всю страну уже объехала..., – в его словах нет зависти. Это просто своеобразный комплимент.

– Ну, на Дальнем Востоке еще не была, – весело не соглашаюсь я, – так что еще не всю.

– Зато есть к чему стремиться...

Теперь самое трудное – прощание. Я глубоко вздыхаю, как перед прыжком:

– Ну ладно, друг, все тебе доброго. Пока! – и вот оно, трудное, – передавай привет Марине.

– Конечно, – спокойно произносит он, – Николаю тоже от нас привет.

Уф. Все.

Дни до отъезда пролетают совсем незаметно. Все по плану: работа, магазины, дом, дача, снова магазин и дом. Быстренько проверить, чтобы запас продуктов был, котлет нажарить, борща на три дня сварить, а остальные дни, дорогой, либо сам, либо к маме. Хочешь первого на неделю? Я могу, но ты же не станешь есть всю неделю один борщ? Вот и я про то. Ну, ты же у меня и сам умеешь. Вот и славненько. Так, что еще? А, рубашки поглаженные в шкафу, носки-трусы на полке. С запасом. Все, вроде теперь все. Да, звони, и я тоже буду. Все, поехали, а то опоздаем на поезд. Целую, не скучай, водки много не пей... шучу, шучу, пока! Долго-долго помахать в окно, пока поезд медленно тащится вдоль перрона. Ну, все, поехала. Можно оглядеться, кто тут у нас в купе.

Приятная ухоженная женщина неопределенного возраста, значит, лет пятидесяти. Еще одна молодая, лет двадцати пяти-двадцати семи. И мужчина лет шестидесяти. Крепкий. Подвижный, я бы сказала даже спортивный. Неплохо. Если ему шестьдесят, значит мне лет сорок. Настраиваемся... Взгляд уже умный, но еще не усталый, с вопросами первой не вылезать – уважаю желание помолчать, но, поймав взгляд, улыбнуться спокойно и приветливо – к общению готова. Пока все молчат. Все понятно, думы еще о доме и о незавершенных делах. Так будет до тех пор, пока проводник не соберет билеты. Собирая билеты, проводник, сам того не осознавая, как будто проводит черту, отделяя уезжающих от оставшихся. Как будто показывает: все, назад пути нет, это свершилось, вы уехали. У-е-ха-ли! Понятно? Мысли странным образом переключаются с прошлого на будущее. С итогов на планы. Но поскольку планы еще туманны, осуществление их начнется только через несколько часов, дней – смотря сколько вам ехать – то вы остаетесь только в настоящем. Что оставили – не вернуть, что впереди – не ускорить. И начинается общение в настоящем. Если вы, конечно, умеете общаться. И если вас

не гложет беда, или вы не больны. Но это, честно говоря, редко встречается в дороге. В основном люди общаются. Главное – начать. Если хотя бы один человек в купе умеет общаться, то вовлекаются в это общение все. Опять же за исключением тех, у кого беда или болезнь.

– Ваши билеты, пожалуйста, – проводник заглядывает в открытую дверь.

Легкое оживление, все начинают двигаться, достают билеты, даже улыбаются, как будто проснулись, встрепенились или вырвались из плена тяжелых дум. Самое время начинать общение. И поговорить либо о погоде – за окном красивый огненный закат, к какой это погоде? И не знаете ли, что нас ждет в пункте назначения? Дождик не обещали? Слава богу, а то я зонт брать не стала... и так далее и тому подобное. Или о чае: не знаете, чай когда будет? А утром дают? Давно не ездила в этом направлении, прибываем ведь рано утром? Впрочем, нас, наверное, покормят завтраком в гостинице. Да, еду на семинар. А вы? По делам или отдыхать?...

Вы не подумайте, это я не продумываю сейчас свое поведение и не мучаюсь выбором темы, это заготовки на все случаи жизни. Это где-то внутри. Иногда и довольно часто даже, не я и начинаю разговор, просто поддерживаю чью-либо инициативу. Все зависит от обстоятельств.

– Здравствуйте, – не успел проводник исчезнуть из проема нашей двери, как в нем появился молодой мужчина. Рекламщик, что ли? Продает что-то, наверное. Тоже неплохая тема для обсуждения.

– Привет, проходи, – кивает наш мужчина, – милые дамы, не возражаете, если мой сын посидит с нами? Мы так давно не виделись...

Сын? Неожиданный поворот.

– Конечно-конечно, – не возражают «дамы», – пожалуйста.

Чуть сдвинувшись, они освобождают место для парня. Итак, нас теперь пятеро. Нормально. Мужчины в женской компании лишними не бывают. Тем более такие интересные. Я разглядываю сына нашего мужчины. Нашего... быстро я его в собственность обратила. Впрочем, я же не подумала «моего». Нашего – это значит из нашего купе. Итак, расстановка сил и расположение частей. Я у окна, рядом со мной пятидесятилетняя женщина, напротив нас у окна же женщина, которая молодая, по середине наш мужчина и рядом с ним, уже почти у двери, его сын. Ему лет тридцать, тридцать-пять. Высокий, спортивный, как и папаша, кстати, они похожи, видно, что родственники, очень симпатичный. Карие глаза, темные волосы, наверное, выются, но довольно коротко пострижены. Широкие плечи, веселый взгляд... Что-то душновато в нашем купе как-то, губы прямо пересохли, хоть и дверь открыта.

– Давайте знакомиться, – неожиданно предлагает наш мужчина, – меня зовут Алексей Юрьевич.

Он явно в хорошем расположении духа, и есть что-то трогательное в том, как он смотрит на сына. Похоже, они и правда давно не виделись. Хотя это странно. Едут из одного города.

– Я Иван, соответственно, Алексеевич, – улыбается парень, – но меня можно просто Иван.

– Даша, – представляется молодая женщина. О, она чуть зарделась и довольно кокетливо, хоть и робко, посмотрела на Ивана. Ну, в общем, понять ее можно. По возрасту он ей подходит, да и она ему тоже. Из нас троих только она.

– Зинаида Васильевна, – быстрый взгляд на Алексея Юрьевича. Да, все правильно. Представление – это как бы и расстановка приоритетов. Первые, так сказать, ходы в многоходовой шахматной партии. Или войне, как посмотреть. Зинаиде Васильевне Иван не по возрасту, да и не по интересу, потому что совсем бесперспективно.

Моя очередь сделать ход. Мне нужно мгновение, чтобы решить. Это мгновение я беру себе сама, чуть улыгнувшись и обведя всех легким взглядом.

– Ирина Александровна.

Ход, наверное, правильный, потому что удивление я вызвала. Они не поняли, сколько мне лет. Выгляжу я неплохо, как я уже говорила, одеваюсь современно: на мне узкие голубые

джинсы по бедрам, стильная тенниска, дорогие белые кроссовки. А представляюсь по имени-отчеству. Правильный ход, за который я вознаграждена удивленно-заинтересованным взглядом Ивана и одобрительным кивком Алексея Юрьевича.

– Милые дамы, у нас есть шампанское, – опять неожиданный поворот, – если вы нам составите компанию – мы будем вам очень признательны.

Вот что значит человек, мужчина старой закалки! Все вежливо, красиво, интеллигентно.

– Шампанское? – это Зинаида Васильевна принимает подачу, – а по какому поводу? – И одобрительная улыбка, чтобы не подумали – не дай бог! – что она против.

– Повод есть. – Алексей Юрьевич достает шампанское и попутно весело объясняет, – во-первых, за знакомство, а во-вторых, мы с сыном давно не виделись, а тут . . .

Он коротко объясняет, что Иван был в длительной заграничной командировке, больше двух лет. Вот вернулся, сразу приехал к отцу, и теперь они едут к нему. Погостить, так сказать. Ну что ж, повод достойный. Зинаида Васильевна со смешной хозяйственностью лезет в свою сумку:

– А у меня закуска. – И достает . . . вареную колбасу.

Я не выдерживаю:

– Аккурат к шампанскому, – стараюсь сказать это весело, необходимо.

Вроде получилось, потому что Зинаида Васильевна не обижается:

– Так поесть-то все равно нужно, – говорит она. Все правильно, мужчинам в этом возрасте нужна заботливая хозяйка. Ход правильный, но стандартный. Если рассчитывать на стандартного мужчину, то сработает. Опять же если не перебьет какая-нибудь молодка оригинальным броском. Но я пока еще не решила, на ком из мужчин я остановлюсь.

– А у меня есть сыр, – это Даша тоже лезет в сумку.

– Это уже ближе, – одобряю я. Неплохо, Дашенька. Сыр, если особенно какой-нибудь приличный, вполне положительный штрих. И еда, и довольно интеллигентно, не вареная колбаса. Имеется в виду к шампанскому, конечно. Если бы была водка, то лучше колбаса и огурчик соленый. Сыр к водке прозвучал бы безвкусицей.

– А Вы, Ирина Александровна, к шампанскому предпочитаете шоколад? – Иван подчеркнуто вежлив и почти официален, – или клубнику?

Я перевожу на него взгляд. Душно у нас в купе, губы все время сохнут, и лицо горит. И не только у меня, как я замечаю – у Ивана тоже щеки чуть лихорадочные. И у Даши. Еще и не выпили, а уже покраснелись.

– Лучше шоколад.

Я не объясняю, что от клубники много отходов и аллергия. Да и незачем объяснять. Объясняешь, как будто оправдываешься. А простая фраза из двух слов, да еще произнесенная с правильной интонацией, чуть вопросительно-ожидательной, дескать, я-то знаю, чего хочу, а вот вы, дорогой товарищ, спросили просто для поддержания разговора или готовы исполнить любую прихоть? Эта фраза – маленький тест.

– Шоколад, так шоколад. – Иван совершенно спокоен. Он поворачивается и достает из сумки большую плитку шоколада. Незнакомая какая-то марка. Я не могу сдержать одобрительной улыбки:

– А если бы я запросила клубнику? – я спрашиваю как бы про себя, с интересом, причем совершенно искренним, рассматривая обертку шоколада. Ответа я вообще-то не жду, ему можно просто засмеяться: повезло, так повезло. Но Иван неожиданно отвечает:

– Так ресторан же есть.

– А если там нет? – глупый, неправильный ход, я понимаю это сразу, но слово – не воробей. Почему неправильный? Потому что очень откровенно показывает, что тебе приятно, что он готов что-то сделать для тебя. И навязчиво предлагает продолжить тему ухаживания. А это крайне вредно – навязываться.

– Слишком много «если», – неожиданно смеется Иван. – Проблемы нужно решать . . .

– По мере..., – киваю я.

Пока мы разговаривали, Зинаида Васильевна и Даша накрыли, да что там «накрыли» – сервировали стол. Молодцы, женщины. Правильные. Пластиковые стаканчики, аккуратно нарезанная колбаса, сыр, кстати, в меру приличный, хлеб, зелень, огурцы, помидоры, шоколад и несколько дорогих конфет. Похоже, Дашиных. А Алексей Юрьевич умело открыл шампанское.

– Первый тост – за знакомство! – весело провозглашает он.

Пока мы пьем шампанское, очень даже хорошее, мне нужно все-таки определиться. Нет, можно, конечно, и двоих сразу приручить, по крайней мере, попробовать. Потому что выбрать трудно. Давай проанализируем. Алексей Юрьевич, конечно, мне больше подходит. Что уж там не говори, но мне не В общем, я не Даша. Иван, может, этого и не знает, мужчины в этом плохо разбираются, но я-то в курсе, как говорится. И все равно сейчас слово за слово, что-то о себе рассказывать придется, и если через часа два выяснится, что я намного его старше, а я тут стрелять глазами буду и всячески его поощрять и завлекать, то потом это будет... смешно. И некрасиво. Старая перечница на молодого загляделась. И Дашенька с торжествующей улыбкой уведет его прямо у меня перед носом. Проигрывать я не люблю. И никогда не проигрываю. Знаете почему? Потому что играю мастерски. Если партия проигрышная с самого начала, я в нее и не ввязываюсь. Не могу же я всем нравиться. С возрастом и опытом это понимаешь все отчетливей, учитываешь уже и возрастной ценз, и социальное положение. Значит... Алексей Юрьевич. Я еще раз осторожно взглядываю на Ивана, как бы мысленно прощаясь. Нет, я с ним тоже буду разговаривать, смотреть, улыбаться, но все это будет не для него. И опять чувствую какой-то комок в горле. И хочется снова облизать пересохшие губы. Боже ж ты мой, да он мне нравится, похоже! Этот мальчик? Да ты с ума сошла. Быстренько переключаемся на папашу. Тем более что он очень даже ничего. Простите, Зинаида Васильевна, но Вам тут не светит.

Время пролетает совсем незаметно. После шампанского на столе появилось вино, откуда-то еще появилась совсем другая колбаса и совсем другой сыр, я даже не заметила, откуда все берется. Помнится, что-то там мы пролепетали часа через два после начала нашего застолья о том, что надо бы скинуться денежками, но мужчины были категоричны: мы, мол, проставляемся, у нас, мол, повод, а вам, милые дамы, мы благодарны за участие, поскольку ваше присутствие создает нам настоящий праздник. Ну и спасибо.

Мне очень хочется рисовать. Я прямо вижу свой рисунок: вагонное окно, и размытые силуэты пассажиров. Кто-то расслаблен, кто-то подался вперед, кто-то взмахивает рукой, объясняя или доказывая что-то, кто-то задумчиво подпирает голову. На столе бутылка и пластиковые стаканчики. Лица нечетки, силуэты в движении и все на фоне пролетающего мимо темного леса. И название: «Пролетающие мгновения». Или «Пролетающая жизнь». Я это нарисую. Если картинка возникла в моей голове, она будет и на бумаге. Картинки часто возникают – иногда конкретные, которые я увидела где-то, но чаще просто вымышленные образы. Можно было бы даже сказать «видения», если бы я не боялась показаться сумасшедшей. В общем, что-то возникает в голове, и я рисую. Просто рисую, для себя, но как это ни странно, их выставляют. Рисунки мои. И даже покупают. Я этим не занимаюсь, этим занимается моя сестренка. Это она договаривается об участии в выставках, это она посылает мои работы в какие-то журналы и издательства, это она оформляет все необходимые документы и бумаги. Я благодарна ей чрезвычайно, потому что сама этого не сделала бы никогда. А так мне приятно. По первости я предлагала ей все гонорары делить пополам, но она отказалась. Я настаивала – она обиделась. Тогда с каждого нового поступления денег я стала покупать ей и ее семье подарки. Это было приятно, но обременительно, потому что придумывать становилось с каждым разом все труднее, да и некогда мне по магазинам бегать. К счастью, Галинка все поняла, и теперь мы честно делим гонорары пополам. Не то чтобы большие деньги, но на мелочевку хватает.

– Ирина Александровна, вина или шампанского? – Алексей Юрьевич смотрит на мой опустевший стаканчик и улыбается. Он, конечно, уже мой. На этот вечер целиком и полностью. Но, надо отдать ему должное, ведет себя на редкость стойко и прилично. Разговаривает со всеми, улыбается Зинаиде Васильевне, не забывает подлить вина и ей, и Даше. Но в том, как он смотрит на меня, как вдруг теплеет его взгляд, когда мы встречаемся глазами... ошибиться нельзя.

– Вина, – я пододвигаю ему свой стаканчик, – и может, мы немного приоткроем дверь? Душновато у нас..., – я улыбаюсь. Дверь мы закрыли перед тем, как откупорить шампанское. Пить-то вообще-то в поездах вроде как сейчас нельзя....

– Да, тепло, – весело соглашается Алексей Юрьевич, – но можно сходить проветриться, в коридоре должно быть прохладно....

Вот и первый звонок. Но не успеваю я согласиться или отказаться идти «проветриваться», а это значит, по мнению мужчины, побыть наедине и возможно поцеловаться, чего я вообще-то не делаю никогда, но он-то этого не знает, в общем, не успеваю я и слова сказать, как Иван, не прерывая своего разговора с Дашей..., а они, кстати, уже сидят рядом. Я не сказала? Да, при каком-то очередном движении, когда появлялась другая колбаса и вино, они незаметно переместились: Алексей Юрьевич оказался у окна, а Даша – посередине, между ним и Иваном. И компания незаметно, совсем-совсем незаметно поделилась на две группки. Условные, условные! Мы продолжаем общаться все вместе, но... группами. Одна группа – это Алексей Юрьевич, Зинаида Васильевна и я, и другая – это Иван и Дарья. Жаль, что не Марья: точно по классике бы было. Так вот, Иван, не прерывая своего разговора с Дашей, приоткрывает дверь, и из коридора в купе проникает свежий, действительно прохладный воздух.

– Ой, хорошо-то как! – искренне восклицает Зинаида Васильевна, – здесь и правда было очень душно. А мы привыкли и не замечаем...

– Ну как же не замечаем, вон все как покраснелись, – смеется Алексей Юрьевич.

– Действительно нужно сходить проветриться, – чуть кокетливо говорит Зинаида Васильевна, – да и размяться немного.

– И покурить, – Даша смотрит на Ивана, она весела и как-то даже, я бы сказала, раскрепощена, – а то с вами так и курить бросишь.

Но Иван просто смеется. И тут начинает происходить непонятное движение. Первой встает Зинаида Васильевна, и неожиданно обращается к Алексею Юрьевичу.

– Пойдемте, проветримся, Алексей Юрьевич, пусть молодежь без нас выпьет.

Разочарование, мелькнувшее в глазах мужчины, тронуло меня до глубины души и рассмешило одновременно, но я... я не рассмеялась, я поощрительно, с пониманием и чуть обещающе улыбнулась, поймав его взгляд. Дескать, иди, обязательно иди, чтобы потом никто никого не заподозрил. А у нас с тобой еще все впереди. И он встает.

Даша, взглянув на меня заговорщицки, предлагает:

– Пойдем, покурим?

Я улыбаюсь с подчеркнуто-явным разочарованием:

– Не курю.

– Это правильно, – покровительственно и радостно говорит Даша, доставая сигаретную пачку из сумочки, – правильно. – И она поворачивается к Ивану, – пойдем?

– Я, Дашенька, тоже не курю, – неожиданно произносит Иван, – иди, – он мягко улыбается, – только возвращайся быстрее.

И опять разочарование, теперь в глазах Даши. Смягченное, правда, его словами и его интонацией... о, боже мой, точно такой же, как мой взгляд: поощрительно-понимающий и многообещающий: иди, дескать, у нас еще все впереди. И тут я не выдерживаю: я начинаю смеяться. Слава богу, все ушли, в смысле все, кто не играет в эту замечательную игру. А Иван, он тоже начинает смеяться. Мы хохочем секунд тридцать, потом он резко пересаживается на мою

полку и привлекает меня к себе. Вино, пустое купе, и ощущение близкого по духу человека, сыграли злую шутку: я отвечаю на его поцелуй. Все-таки флирт – опасная игра. Можно и заиграться. В какой-то момент я вынырываю из волшебства запретного поцелуя и смотрю на Ивана. У него странный взгляд: озадаченный и затуманенный. Боюсь, что и сама выгляжу чуточку растерянной. Я прикрываю глаза и, смеясь, шуточно отталкиваю его:

– Сумасшедший.

Он смеется довольным, но тоже слегка растерянным смехом и послушно пересаживается обратно на свою полку.

Мы молча смотрим друг на друга. Неожиданный поворот. И все бы ничего, но целоваться – это я зря. Но елки-палки, как оказывается, это приятно – забытое ощущение новизны. Или он так целуется, что забываешь обо всем? Но он же совсем мальчик по сравнению со мной. Да, зря это я, зря. Одно вдохновляет: завтра рано утром мы расстанемся и вряд ли когда встретимся, тем более что и живем в разных городах в восьмистах километрах друг от друга. Это утешает.

А Алексея Юрьевича я больше поощрять не стану. Все-таки это свинство – целоваться с сыном и давать надежду отцу. Пусть даже на несколько часов.

Даша возвращается первой. От нее немного пахнет дымом, но дверь у нас открыта, поэтому ощущается не очень. Вслед за ней подтягиваются и Алексей Юрьевич с Зинаидой Васильевной. Они спокойны, разве чуточку разочарования в интонациях женщины я углядела: значит, не целовались. Ну что ж, это не каждому дано.

– Ну что, еще по глотку? – довольно бодро предлагает Алексей Юрьевич.

– Да, давайте, да и пойду я, – Иван довольно демонстративно глядит на часы, – ого! Уже три часа, а завтра ранний подъем.

Мы выпиваем, и Иван поднимается:

– Всем спокойной ночи, завтра увидимся.

– До завтра, – Зинаида Васильевна прощается вежливо и без интереса, ей все равно, ее интерес остается здесь, на соседней полке.

– Пока, – чуть ожидающе произносит Даша. Она не очень понимает, что произошло здесь в ее отсутствие, и, конечно же, надеется на утро.

– Спокойной ночи, – улыбаюсь я. В моей интонации усмешка. Дескать, спи спокойно, дорогой товарищ, если сможешь.

Иван чуть ухмыляется в ответ и уходит. Даша молча и быстро забирается на свою верхнюю полку и отворачивается в стене. Понятно, думать будет и мечтать. Зинаида Васильевна расстилает свою постель, а Алексей Юрьевич деликатно выходит в коридор, чтобы дать нам возможность улечься. Зинаида Васильевна действительно укладывается, а я, взяв сумочку и полотенце, выхожу в коридор. Алексей Юрьевич стоит около окна. Обернувшись на звук открывающейся двери, он чуть ожидающе смотрит на меня. Он тоже не понял, что произошло, и ждет продолжения. Но я улыбаюсь чуть отстраненно:

– Можно уже входить.

И прохожу мимо. Обернувшись, как бы невзначай, в конце коридора вижу, как он входит в купе. Вот и славно. Хуже, если бы стал дожидаться, пока я пойду обратно. И бессмысленно, и репутация, как вы понимаете. Я выхожу в тамбур.... Этого, конечно, нужно было ожидать, но я как-то была не готова. В тамбуре, прислонившись к стене так, что его не видно из коридора, стоит Иван. Он молча хватается за руку и буквально силой вытаскивает во второй тамбур, тот, который уже на проходе в соседний вагон. Не говоря ни слова, он снова начинает меня целовать. Я отбиваюсь, хоть и не очень яростно, но упорно.

– Иван, прекрати.

– Ирина Александровна, почему?

Это звучит забавно: по имени-отчеству, на вы...

– Это опасные игры...

– Так и хорошо, с адреналинчиком...

Я смеюсь и уворачиваюсь:

– Все, Иван, перестань.

– Почему? – он не менее настойчив, обнимает крепко, губами все время пытается поймать мои губы или, когда это не удается, целует меня в шею.

– Иван, мы же с тобой в одной команде.

– В какой команде? – Иван улыбается.

Понял ты, браток, все понял, но я уточню, если нарываешься:

– В команде мошенников.

Да, милый, ты довольно способный игрок: смотришь в меру удивленно, в меру понимающе, но рук не разжал, улыбка ласковая – я это оценила. Что скажешь?

– Мошенников? Я ... – легкая показательная пауза, – не совсем согласен.

Я смеюсь:

– Не совсем?

Он тоже смеется:

– Не совсем...

– Но в целом ...?

– Ну, в целом...

Потрясающий по содержательности разговор у нас получился, конечно, но это только внешне. На самом деле, точки расставлены: пора дать ему урок.

– Так вот, милый, запомни: со своими не играют, потому что это называется «подстава».

– А если просто отдохнуть? Получить удовольствие?

– Ох, юноша, не разочаровывайте меня! Получить удовольствие от чего? От простого поцелуя? – я чуть лукавлю: поцелуй – тот, в купе – был... не простым, но молодежь надо учить и я продолжаю, – а как же процесс подготовки, завоевания? Если тебе нужен только конечный результат – тебе никогда не стать настоящим мастером. Ты превратишься в обычного кобеля.

– Странный разговор, – Иван смотрит чуть озадаченно, – я никогда об этом не задумывался.

– Так может тебе это и не нужно, – пожимаю я плечами, – может, ты любитель.

– А Вы – профессионал? – звучит без насмешки, даже, я бы сказала, с уважением.

Я не отвечаю – я смеюсь. И тем самым допускаю ошибку. Я расслабилась, я решила, что раз так откровенно все сказала, то все уже и закончилось. Недооценила, так сказать, молодого коллегу. А он, оказывается, настоящий талант. Потому что в этот момент, пока я расслабленно улыбаюсь, он наклоняется ко мне и шепчет:

– Но я тоже кое-что могу..., – и осторожно касается губами моего уха, – Вам ведь понравилось целоваться со мной?

Вопрос, не требующий ответа. Так я решила, и опять ошиблась. Надо было ответить – все равно что, а я промолчала. И тогда он, наконец, нашел мои губы.

Поцелуй был недолгим: моя репутация, как вы помните. Я не должна отсутствовать более десяти – пятнадцати минут. Вырвавшись из объятий Ивана, я посмотрела на часы: практически уложились.

Вернувшись в купе, я бесшумно забираюсь на свою полку. Стук колес привычно успокаивает. Конечно, зря я так. Но что ж теперь поделать: в любой игре бывают ошибки, ложные ходы и временные поражения. Впрочем, в данном случае все не по правилам. Я ведь не играла. Интересно, а он?

– Ну, хорошо, тогда расскажи, как вы познакомились... – Но ты же знаешь – как

– Этого мало. Мало знать – надо осознать. Сейчас важно не знание, а осознание.

Смешно прозвучало, сплошная тавтология – масло масляное, но ничего не поделаешь: вопрос сформулирован и на него придется отвечать. Впрочем, чего лукавить: мне приятно вспоминать то время. И так, это было пятнадцать, нет, больше – почти двадцать, да, почти двадцать лет назад.... А мне почти тридцать. Я замужем, у меня двое сыновей. И я счастлива. Да, счастлива, несмотря на то, что это трудные годы, когда в магазинах бешеные цены, зарплату не платят месяцами, в стране разброд и шатание, и нет никакой, как это называлось раньше, уверенности в завтрашнем дне. Все ужасно, но я счастлива. Теперь я это понимаю особенно отчетливо. Тогда конечно, не все было так очевидно. Мы нервничали, недоедали, впадали в панику, ссорились и мирились. Но все это такие мелочи, по сравнению с тем, что мы были вместе – моя семья, мои коллеги, мои друзья....

– Давай ближе к теме – как она вошла в твою жизнь?

Я чуть раздраженно пожимаю плечами:

– Незаметно, совершенно никак, как обычно знакомятся люди на работе – я вышла из отпуска по уходу за ребенком, а она уже работала в нашем отделе. Она пришла в отдел примерно за год до моего выхода, и, конечно, уже вполне освоилась. Молодая, веселая и совершенно неопытная.

– Неопытная? Ты же говоришь, она вполне освоилась.

– Освоилась в коллективе, – уточняю я, – но по работе опыта все равно у нее не было, да и по жизни тоже....

– Как ты ее восприняла? Она тебя раздражала своей неопытностью?

– Да нет, конечно! Напротив, с ней было интересно, – я чуть усмехаюсь сама себе, – она настолько была не похожа на меня, настолько другой у нее был жизненный путь, настолько другие понятия и принципы, что мне стало интересно с ней общаться. Интереснее, чем с другими.

– А ей? Ей было интересно с тобой?

– Да, ей, видимо, тоже. В одностороннем порядке общаться невозможно, – я снова усмехаюсь, – конечно, мы иногда спорили – разные взгляды на жизнь, на отношения, но никогда серьезно не ссорились. – Я замолкаю ненадолго, оценивая свои слова и пытаюсь доподлинно вспомнить то время. – Да все нормально было, правда. Мы сблизились именно на этом взаимном интересе, мне кажется.

– Но ты была намного старше....

– Ну, не намного.... – я вздыхаю и все-таки признаю, – на девять лет. Наверно, это много.

– И ты была ее начальником....

– У нас были приняты демократичные отношения.

– Демократичные?

– Ну да, у нас вообще у всех так было принято, в смысле в других отделах тоже.

– Ну, хорошо. И так, вы сблизились, несмотря на разницу в возрасте и положении. И своей неопытностью в жизни она тебя не раздражала, а скорее привлекала?

– Ну да, наверно, – сейчас я немного не уверена, поскольку все-таки плохо помню свои тогдашние ощущения.

– Да или нет?

– Да. Пожалуй, да.

– Она привлекала своей неопытностью... то есть, у тебя появилась возможность поделиться своим опытом.

– Ну, какой у меня тогда был опыт.... – я немного лукавлю, даже скорее просто кокетничаю сама с собой.

– Пусть небольшой, но был: несколько лет счастливой семейной жизни, двое детей, успех в работе, плюс твои рисунки.

Рисунки? При чем здесь это? Я чуть вздрагиваю и настораживаюсь.

– Как ты начала рисовать?

– При чем здесь это? – все-таки озвучиваю я свое недоумение.

– Расслабься. Отдохни. Время действовать еще не пришло...

Разбудил меня осторожно-вежливый стук в дверь и ненавязчивый голос проводника:

– Прибываем через тридцать минут.

Вот почему я еще люблю купе, так это потому, что здесь не врубают за час до прибытия свет на полную мощность и радио на всю громкость, как в плацкарте. И вечером в плацкарте до десяти свет и радио, даже если все улеглись и никому это радио не нужно. А в купе сами себе хозяева: хочешь – спать ложись, хочешь – сиди за полночь. Или целуйся, если есть возможность и желание. Я тихонько смеюсь: вчерашнее приключение оставило приятное воспоминание. Может, эти поцелуи и были ошибкой, но ошибкой приятной. Меня что-то немного беспокоит где-то глубоко на подсознании, то ли все-таки чувство вины, то ли сон был странный... Я пытаюсь вспомнить, что мне снилось, но невнятные обрывки каких-то слов и образов ускользают совершенно безвозвратно. Ну и ладно. Я потягиваюсь и свешиваю голову вниз. Зинаида Васильевна уже встала и даже успела привести себя в порядок: прическа волосок к волоску, глазки подкрашены, губки тоже. Молодец. Во сколько же Вы встали, уважаемая Зинаида Васильевна? Алексея Юрьевича нет. Наверное, пошел умываться. Даши тоже нет, наверное, пошла курить. Я снова смеюсь и, потянувшись еще раз, легко спрыгиваю со своей полки:

– Доброе утро! – это я вежливо улыбаюсь Зинаиде Васильевне, а сама поворачиваюсь к большому зеркалу на двери, – Да, спать нужно больше, – бормочу уже сама себе, – а пить меньше. Видок у тебя, милая...

Не успеваю я даже договорить последнюю фразу, как дверь открывается и на пороге появляется... Иван.

– Доброе утро всем! – вежливо здоровается он и почти неслышно, одними губами добавляет, – ну и видок у Вас, дорогая.

– Стучаться надо, когда в чужое купеходишь, – ворчу я и, развернувшись, достаю со своей полки сумку и полотенце.

– Так у вас дверь приоткрыта была, – почти оправдывается он.

Я не отвечаю и демонстративно выхожу в коридор. В туалетной комнате рассматриваю себя в большое зеркало. Волосы, конечно, спутаны, но все равно блестят. Я не говорила, что я рыжая? Ну, не то чтобы рыжий-рыжий-конопатый, а оттенок медный. Причем это пока все натуральное. Ни разу не красилась. И так, волосы ничего, натурально взлохмачены. Макияж, конечно, чуть поплыл, но не безобразно. Не зря же я пользуюсь только дорогой косметикой. Глаза чуть припухли, это, в общем-то, и есть самое ужасное. И губы пересохшие и потрескавшиеся чуть-чуть. Нужно проводить срочные противоаварийные работы. Через пять минут я выхожу в коридор уже вполне приличной женщиной. Лишний макияж убран, остаются только подводка и тени, на губах легкий блеск, волосы расчесаны и легкой волной лежат по плечам. В коридоре около нашего купе стоит Алексей Юрьевич. Меня он пока не видит, потому что смотрит в окно. Поза у него какая-то... грустная.

– Доброе утро, Алексей Юрьевич! – я улыбаюсь и останавливаюсь рядом.

– Доброе, Ирина Александровна, – обрадовано произносит он, – как спалось?

– После шампанского и вина – как убитая, – смеюсь я, – даже не просыпалась ни разу, а такое редко случается.

– Да, я тоже уснул, как провалился. Хотя обычно плохо сплю в поездах.

– То ли вино такое, – опять смеюсь я, – то ли в атмосфере что-то...

– Наверное, в атмосфере, – весело соглашается он, – Ирина Александровна, а Вы здесь долго пробудете? Сколько дней ваш семинар?

– Пять. В субботу я выезжаю обратно.

– Понятно, – Алексей Юрьевич кивает головой и достает из кармана визитку, – Ирина Александровна, я возвращаюсь домой через две недели. Позвоните мне.

Я беру визитку. Заместитель директора какого-то проектного института Белогорцев Алексей Юрьевич. Телефон рабочий, телефон мобильный, адрес конторы. Нужен ли нам проектный институт? Нет, не нужен, но я вежливо улыбаюсь:

– Спасибо.

Я не обещаю ему, что позвоню, потому что знаю абсолютно точно, что не позвоню. Проектный институт – это что-то со строительством и архитектурой. Мне никаким боком. Это даже не производство, чтобы можно было ремонт в квартире сделать. А проектировать свой загородный дом мне еще долго не придется по причине отсутствия средств на приобретение одного. Так что, спасибо, конечно, но... хотя визитка пусть повалится.

– Вас будут встречать? Или планируете своим ходом добираться? Тогда мы могли бы Вас подвезти...

Вот это сильно. Я даже почувствовала, как где-то внутри шевельнулось уважение к этому мужчине. Не интерес, а именно уважение: он не стал просить у меня номер телефона! Порожденные они оба. Каждый хорош по-своему.

– Нет, спасибо, нас должны встречать. Все по правилам – с табличками.

Он понимающе кивает, и мы возвращаемся в купе. Там Даша диктует Ивану свой номер мобильного телефона. А Зинаида Васильевна что-то перебирает в своей сумке. Я быстро осматриваю свою полку – не оставила ли чего – и усаживаюсь напротив воркующих Ивана с Дашей. Теперь уже она записывает его номер. Аж светится вся. Мошенники мы, конечно, мошенники. Мы забираем у них не деньги, которые, в общем-то, жаль, но можно восполнить, это дело наживное, мы забираем у них чувства, даем призрачную надежду и отбираем часть души, оставляя после себя разочарование, обиду и неуверенность. И если обычные мошенники, тоже вызывающие обиду, могут быть наказаны, и у потерпевших остается надежда – надежда на месть, на возврат украденного, на возможность, в конце концов, просто махнуть рукой, дескать, ладно, ушло так ушло – сам виноват, надо быть внимательнее, то здесь все иначе. Спасения от нас почти нет. И заживает все дольше, и возмездия не предвидится. И рукой не махнешь: сердце – не кошелек. Теперь эта девушка будет долго страдать и ждать, когда ей позвонит этот великолепный, умный, воспитанный мужчина – само совершенство. В лучшем случае просто ждать. В худшем – звонить сама и продлевать эту пытку и свою агонию.

Мошенники. С другой стороны, мы, ну я, по крайней мере, никому никогда ничего не обещаю. И исподтишка ничего не делаю. И тихоню из себя не строю. Это только в тихом омуте черти водятся, в горной реке нечисть не живет: слишком быстра. Но башню снести может, с ног сбить – запросто! Но все честно – смотри куда ступаешь, силы свои реально оценивай. Так что не попадайся.

Я ловлю на себе вопросительный взгляд Ивана, чуть демонстративно постукивающего пальцем по своему мобильному. Этот жест мне понятен: телефончик, мол, дашь? В ответ я еле заметно качаю головой: нет, милый, не дам. Вчерашняя ошибка осталась во вчерашнем. Поцелуй, конечно, был потрясающий, но, как говорится, все в прошлом. Поезд замедляет ход, и вот уже перрон. Я делаю вид, что подхватываю свою довольно тяжелую сумку.

– Я помогу, Ирина Александровна, – Иван опережает отца, и тому приходится брать сумку Зинаиды Васильевны. Неожиданно Иван поворачивается к Даше, – Дашенька, у тебя сумка тяжелая?

– Нет, и потом я сильная!

Боже мой, какая глупая! Разве дело в том, кто может донести сумку, а кто не может? Я в такой ситуации поступила бы иначе, если у меня не пакетик с одним документом, конечно. Я, например, пожалала бы плечами и, чуть закусив губку, сказала что-нибудь неопределенное, типа,

ну, в общем-то, даже не знаю... и посмотрела бы реакцию. Если мужчина сказал бы: «подожди меня, я сейчас вот этой старушке вынесу сумки и вернусь», значит, ты ему нравишься, и можно и подождать его, потому что есть шанс еще и дальше пообщаться, а если он переспрашивает с надеждой: «так донесешь сама?», то тут выбор у тебя небольшой. Если он тебе нужен даже несмотря на то, что он, похоже, козел, тогда говоришь «нет, не донесу, особенно при выходе трудно, помоги, пожалуйста» и мучаешься с ним дальше. Или понимаешь, что тебе этот мужлан не нужен и усмехаешься: «конечно, справлюсь, не рассчитывать же на слабую мужскую половину». И пошел он ... Но неси свои сумки сама.

Мы выходим на перрон. В двух шагах от нас стоит молодой парень с табличкой моего обучающего семинара. Вот и славно. Я останавливаюсь рядом.

– Здравствуйте, – и поворачиваюсь к Ивану, – спасибо, Иван, всего доброго. Удачи.

Говорю это все вежливо-отстраненно, потому что, во-первых, рядом стоит Дашенька и ждет пока мужчина – «само совершенство» – обратит на нее внимание и наконец-то возьмет ее сумку, а во-вторых, долгое прощание – лишние слезы. Мне и так жалковато с ним расставаться.

– До свидания, Ирина Александровна, и Вам удачи. – Он вежливо улыбается, только в глазах читается то ли вопрос, то ли грусть. Мне это приятно.

Я вздыхаю почти незаметно и поворачиваюсь снова к встречающему:

– Много человек приезжает этим поездом?

– Только Вы, – он вежливо улыбается. – Так что мы можем уже идти.

Он подхватывает мою сумку. Я поощрительно и благодарно улыбаюсь. И мы уходим. Я не оборачиваюсь. Мне кажется, что я чувствую взгляд Ивана на своей спине. Но, вполне может быть, что мне это просто кажется, потому что очень хочется.

До гостиницы мы доезжаем быстро и молча. В другой ситуации я чуть-чуть пофлиртовала бы и с встречающим, потому что он явно из организаторов семинара, а значит, может пригодиться: хорошие отношения никогда лишними не бывают. Но сейчас мне не до него. Если нужно будет, то потом я все наверстаю. А сейчас мне нужно просто мысленно попрощаться с неожиданным и странным интересом, вспыхнувшим во мне к Ивану. Я чуть прикрываю глаза. Прощай, мальчик. Интерес, это всего лишь интерес. Это не любовь, не страсть, не влюбленность. Это просто что-то мимолетное и неуловимое. Как искорка в темном небе – и не заметить нельзя и удержать невозможно: вспыхнула и погасла. Все.

К девяти часам я вылезаю из душа. Растираясь полотенцем, еще раз смотрю программу семинара. Итак, регистрация участников с десяти до десяти тридцати. Хорошо, а позавтракать успеем? Успеем – завтрак с восьми до одиннадцати. Начало семинара в одиннадцать. Отлично. Сейчас девять, даже еще без десяти. Подсушить волосы, одеться и подкраситься – на все минут двадцать – тридцать. Потом на завтрак, а потом на регистрацию. Собираемся. В этот момент звонит мобильный. Я смотрю на определившийся номер и улыбаюсь: Большаков, Дмитрий Николаевич. Приехал уже значит. Я нажимаю клавишу ответа:

– Алло.

– Привет, радость моя! Ты где?

– Привет. Уже здесь, в гостинице. Только из душа. Еще в полотенце...

– В полотенце? Так я зайду? – звучит игриво, но безнадежно. И правильно.

– Зайдешь, – соглашаюсь тоже игриво, – но только когда я буду готова.

– Готова к чему?

– К выходу, на завтрак и регистрацию участников. – Я произношу это серьезно, строго, почти поучительно, но потом не выдерживаю и смеюсь, – а ты что подумал?

– Подумал, – демонстративно вздыхает он, – но ты же жестокая...

– Дима, только не плакай...

Мы смеемся оба.

– Так где встречаемся? – уже спокойно, без игривости спрашивает Дмитрий, – зайти за тобой?

– Нет, давай через ..., – я смотрю на часы, – через двадцать минут в холле на первом.

– Хорошо. – И он отключается, а я почти бегом направляюсь в ванную – за феном. Времени не то, чтобы много, а выглядеть надо... потрясающе.

Через двадцать, ну может, двадцать пять минут я спускаюсь в холл. Дмитрий Николаевич стоит около стойки дежурного администратора и разговаривает с каким-то мужчиной. Но разговор, похоже, несерьезный, так, болтают просто, потому что Дима блуждает взглядом по холлу и меня замечает сразу. Улыбается и, быстро распрощавшись с собеседником, направляется ко мне. Подходит, ласково целует меня в щеку:

– Выглядишь потрясающе. Сегодня от меня не сбежишь.

– Спасибо. – Я намеренно не реагирую на вторую часть его приветствия, зачем? Я знаю, что сбегу, но ему об этом говорить рано. Пусть потешится. Неожиданно он повторяет:

– Слышишь меня? – он заглядывает мне в лицо, – сегодня.

– Дима, мы идем завтракать или стоять будем?

– Ты не ответила.

– А разве ты что-то спрашивал? – я стараюсь смеяться, хотя меня такой разговор немного напрягает. Такого за ним не водилось раньше. Слишком он... агрессивен.

– Я сказал – сегодня.

– Мы что, не пойдем на семинар? – я ласково беру его под руку и направляюсь в сторону ресторана, – но, может, хоть позавтракаем?

– Я имел в виду вечер, – он чуть смягчается, все-таки он же не кретин.

– Дык, где тот вечер, а где мы, Дмитрий Николаевич, – я отпускаю его руку, поскольку мы подходим к довольно узким дверям, и он придерживает дверь, пропуская меня вперед.

– Я тебя предупредил, – слава богу, звучит скорее насмешливо, чем угрожающе. Нет, он определенно не кретин. А значит, разберемся.

И все, больше никаких разговоров на эту тему ни за завтраком, ни после. Умница. Получив при регистрации портфельчик с материалами семинара, бейдж на тесемке, продиктовав время убытия, чтобы организовали провожание, как и встречу, и заняв места в середине зала, мы с Дмитрием Николаевичем расстаемся на некоторое время. Надо побродить по залу заседаний, поглядеть на прибывших, встретиться со старыми знакомыми, познакомиться с новыми лицами. Семинар это, прежде всего, завязывание полезных или просто приятных знакомств. Чтобы потом, когда возникают вопросы в твоей повседневной работе, ты мог, достав записную книжечку или визитницу, набрать нужный номер и весело сказать: привет, дескать, как жизнь? Слушай, у меня тут вопрос, не поможешь? Всегда из десятка знакомых найдется хотя бы один тот, который знает ответ. Очень полезно.

– Ирина? Привет!

Я оборачиваюсь и... улыбаюсь. Вика. Из Рязани.

– Привет, дорогая! – мы, обнявшись, радостно целуем друг друга. Мы знакомы давно, лет семь, наверное. Еще по моей старой работе. А теперь, когда я перешла на эту, мы стали видеться еще чаще. Раза три в год точно встречаемся на таких вот семинарах или конференциях. И перезваниваемся по разным вопросам. Встреча приятная. Теперь бы еще Михаила из Брянска, Тимофея из Калуги и Светлану из Красноярска встретить и все – компания готова. Это наша лучшая компания. Не всегда мы попадаем все вместе, но когда попадаем – это подарок судьбы. Ядро большой компашки, к которой примыкают или хотят примкнуть многие. Скучать не приходится. И самое главное, и что, честно говоря, я ценю в этой компании больше всего, так это то, что здесь я никогда не играю. Миша и Тимка просто друзья. Коллеги. Това-

рищи. В их обществе я могу расслабиться. Я знаю, что меня и так ценят, без стрельбы глазами и кокетства. Здесь живое общение, человеческое. Впрочем, я это уже, кажется, говорила.

– Девочки! Вау! Отлично выглядите!

Мы с Викой оборачиваемся... Мысль материальна, это точно. Миша, Тимка и Света подходят к нам с радостными улыбками и раскинутыми руками, как бы приглашая к объятиям. Ну а мы не заставляем себя просить. Объятия, поцелуи, смех... на нас уже обращают внимание. Смотрите, смотрите, завидуйте. И присоединяйтесь, когда мы будем организовывать сабантуйчик.

Показав ребятам, где я бросила свой портфель, я отхожу в сторону, чтобы поздороваться еще с несколькими знакомыми. Пусть не такими близкими, как эти, но тоже приятными и нужными.

– Соболева? Ирина Александровна? Это Вы?

Я удивленно смотрю на мужчину, довольно бесцеремонно заглянувшего на мой бейдж и теперь улыбающегося так, словно ему подарили что-то.

– Вообще-то у меня нет привычки воровать чужие бейджики, – говорю я насмешливо, – так что придется поверить, что это действительно я – Соболева Ирина Александровна.

– Ой, простите великодушно, я не это имел в виду, – ничуть не смущается незнакомец. – Просто не ожидал Вас встретить.

– А мы знакомы? – я понимаю, что это банально, но выяснить-то нужно, что это за фрукт. Попутно быстренько оглядываю его. Невысокого роста, полноват, круглолиц, шевелюра еще есть, но уже редеет, лет пятидесяти. Не мой тип.

– Я Вас знаю. Вернее, знаю Ваши работы. Это же Ваши иллюстрации в «Ночной птице»? Я улыбаюсь.

– Да, мои.

Это вообще-то первый раз, чтобы совершенно незнакомый человек спрашивает меня о моих рисунках. Надо же, это приятно, оказывается.

– Совершенно замечательные иллюстрации, – мужчина говорит, похоже, искренне, – я увидел – сразу понял, что создавал их талантливый и необычный человек.

– Необычный? – я чувствую, что смущена, что мне, в целом, не свойственно.

– Да, очень своеобразные, я бы сказал, самобытные рисунки.

Я снова улыбаюсь. Но молчу. Потому что сказать мне, в общем-то, нечего. Оказывается, это, конечно, приятно, когда тебя хвалят вот так, в глаза, но совершенно неловко. Дурацкая ситуация. Спросить «Вы в самом деле так считаете?» – значит напрашиваться на дальнейшие комплименты, а напрашиваться не хочется. Начать противоречить, дескать, ничего самобытного там нет, то это либо снова ждать, что тебя будут переубеждать, то есть опять же напрашиваться на комплименты и похвалу, либо действительно убеждать человека, а вдруг он возьмет и правда решит, что ничего необычного там нет. Тоже неприятно. Так что лучше... промолчать.

– Ирина Александровна, я потом видел еще Ваши работы. Они удивительны.

– Спасибо, – я улыбаюсь, – простите, Вы не представились...

– Да-да, простите, – мужчина ничуть не смущается, – Анатолий Петрович.

– Спасибо, Анатолий Петрович, – киваю я, – мне очень приятно.

– Ирина Александровна, – он замечает, что я делаю движение, чтобы отойти, и, видимо, поэтому произносит чуть торопливо, – один вопрос, можно?

– Конечно, – я действительно хотела уже уйти, чтобы не затягивать разговор, грозящий перейти в круговую версию. Это когда начинается повторение по кругу одного и того же: «замечательные рисунки» – «правда?» – «правда, они очень хороши» – «спасибо» – «нет, правда, в них есть что-то необычное» – «в самом деле?» – «конечно, они замечательны» ... и так далее до бесконечности. Я хотела это прекратить, но на вопрос я, конечно, отвечаю.

– Скажите, пожалуйста, то, что Вы рисуете, Вы это видели где-то или это вымышленные образы?

– По-разному бывает, – я улыбаюсь, – но чаще, конечно, я рисую то, что вижу.

Я его обманываю. Чаще я рисую то, что возникает в моей голове из ниоткуда. Но я же не сумасшедшая, чтобы в этом признаваться. Настоящие художники, может, и не стесняются признаваться в своей «самобытности», читай – ненормальности, но я-то не настоящий художник. Для меня это хобби, спасение от скуки, переживаний и еще отдых. Так что я вполне нормальная, адекватная и обычная. Как чукча – что вижу, о том и пою, то бишь то и рисую. Как будто.

– Спасибо, – благодарит он и смотрит как-то озадаченно, но улыбается, – не смею Вас задерживать, Ирина Александровна, но, если позволите, еще как-нибудь хотелось бы поговорить.

– Конечно, Анатолий Петрович, конечно, рада буду пообщаться.

Ух, наконец-то, а то как-то не по себе. Странное чувство. Неловкость какая-то. Может, это и есть «бремя славы»? Эта мысль вызывает у меня приступ смеха, и я, отойдя на несколько шагов, смеюсь.

– Что так весело? – шепот прямо в ухо. Я поднимаю голову – Большаков. – Чем тебя так насмешил Тельнов?

– Тельнов? – я удивлена, – это этот, Анатолий Петрович? – я вижу, как Дима кивает, – а откуда ты его знаешь?

– Кто ж его не знает? – теперь удивляется Дмитрий Николаевич, – это же зам генерального директора «Партнера».

– Какого партнера? – я чувствую легкое раздражение, – Дим, ты можешь толком объяснить?

– Не злись, тебе не идет, – шепчет он и добавляет обычным тоном, – фирма «Партнер» – организатор всех наших конференций, семинаров, и прочей тусовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.